

Список використаних джерел

1. Гегель Г. Наука логики в 3 т. / Г. Гегель. – Т.3. – М.: Мысль, 1972. – 371 с. // Gegel G. Nauka logiki v 3 t. / G. Gegel. – Т.3. – М.: Mysl, 1970. – 501 s.
2. Гегель Г. Энциклопедия философских наук / Г. Гегель. – Т.3. Философия духа. – М.: Мысль, 1977. – 470 с. // Gegel G. Entsyclopedia filosofoskikh nauk / G. Gegel. – Т.3. Filosofiya dukha. – М.: Mysl, 1997. – 470 s.
3. Bowman B. Hegel and the Metaphysics of Absolute Negativity / Brady Bowman. – Cambridge University Press, 2013. – 280 p.
4. Düsing K. Ontology and Dialectic in Hegels Thought // the Dimensions of Hegel's Dialectic. – New York: Edited by Nectarios G. Limnatis, 2010. – P.97–122.
5. Hegel G. W. F. Einleitung zur Phänomenologie des Geistes. Kommentar von Andreas Graeser. – Stuttgart: Reclam, 1988. – 184 s.
6. Hegel G. W. F. Phänomenologie des Geistes / Georg Wilhelm Friedrich Hegel. – Stuttgart: Reclam, 1987. – 595 s.
7. Möller J. Der Geist und das Absolute / Joseph Möller. Padembom: F. ScMningh, 1951. – 221 s.
8. Rothhaar M. Metaphysik und Negativität: eine Studie zur Struktur der Hegelschen Dialektik nach der Wissenschaft der Logik / Marcus Rothhaar. – Tübingen: Univ. Diss., 1999. – 216 s.

Bondar O. V., graduate student, department of theoretical and practical philosophy, Kyiv national University named after Taras Shevchenko (Ukraine, Kyiv), olegbondarb581@gmail.com

Speculative self-justification of subjectivity: survey of a problem

The article deals with the problem of ontological status of pure subjectivity (knowledge about knowledge). An author demonstrates that objective knowledge when it is taken as universal structure of any knowledge at all, leading to paradoxes in an attempt of self-justification. Exploring the main provisions of speculative strategy of justifications of pure subjectivity, an author shows an argumentative potential of Hegel's concept of subjectivity. An author comes to the conclusion that we need to consider an object of knowledge as selfdistinction of knowledge itself, and a knowledge is selfrelation of object.

Keywords: knowledge, object, self-justification, subjectivity.

Бондарь О. В., аспирант кафедры теоретической и практической философии, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко (Украина, Киев), olegbondarb581@gmail.com

Спекулятивное самообоснование субъективности: постановка проблемы

Рассмотрено проблему онтологического статуса чистой субъективности, а именно знания о знании. Демонстрируется, что предметное знание, если его принимают за универсальную структуру всякого знания вообще, приводит к возникновению парадоксов в попытках самообоснования. Исследуя основные положения трансцендентальной стратегии обоснования субъективности, автор выявляет аргументативный потенциал Гегелевской концепции субъективности. Автор приходит к умозаключению, согласно которому предмет знания должен рассматриваться как самоотличение самого знания, а знание – как самоотношение предмета.

Ключевые слова: знание, предмет, самообоснование, субъективность.

* * *

УДК 1(091):128

Громова О. В.,
соискатель кафедры философии,
Днепропетровский национальный университет
им. Олеся Гончара (Украина, Днепр),
olga.v.gromova@gmail.com

ФЕНОМЕН ОДИНОЧЕСТВА У АНТИЧНЫХ ФИЛОСОФОВ

Исследуется феномен одиночества в античной философии. Возвышенное, дающее новый уровень познания мира, уединение выступает для многих античных философов как идеал. Однако необходимость одиночества как пространства для осмысления человеком самости противопоставит ощущение одиночества, как ущербности собственной самости. Homo Solus – мудрец, стремящийся к достижению идентичности с высшими силами посредством одиночества – выступает и как герой, и как трагический персонаж. В статье уделено внимание изучению мнений античных авторов касательно феномена одиночества. Проанализированы проблемы, раскрывающие сущность переживания этого состояния, которое возникает на стыке двух изначальных условий бытия: вовлеченности во внешне социальные связи, взаимоотношения с другими людьми и его внутреннего, душевного состояния, которое связано с осознанием конечности существования.

Ключевые слова: одиночество, изоляция, античная философия, Гераклит, Платон, Аристотель, Эпикур, Сенека, кинизм, стоицизм.

(статья друкуюється мовою оригіналу)

Говоря об отношении к одиночеству античного человека, мы невольно пытаемся трактовать его чувства с позиции человека современного, рассуждающего о тех явлениях, описание которых следует ниже. Однако осознать переживание одиночества человеком античности можно, лишь почувствовав, как античный человек воспринимал себя в соотношении с миром. «[...] Античному человеку был совершенно неизвестен [...] субъективный, рефлексивный, интимный, одинокий способ бытия» [1, с. 58]. Он представлял себя единым целым с окружающим его пространством природы. По определению Гегеля, счастливое сознание эллина «принципиально исходило из ценностного приоритета космического универсума, содержащего в качестве конститутивных элементов мира (атрибутов) – безличностные стихии» (цит по: [3, с. 41]). По мнению А. Ф. Лосева «никакой личности античный космос не знает» [2, с. 29], поэтому «онтологическая обжитость космоса/полиса античным человеком исключала возможность дистанцирования от космоса/полиса и соответствующего рефлексирования» [3, с. 43]. Одиночество в античном мире имело преимущественно негативную оценку и считалось состоянием, которого надо избегать. Древний грек или римлянин стремился уйти от одиночества посредством участия в праздниках, спортивных мероприятиях, общественных и политических собраниях. Воспитанный в процессе «пайдеи» (παιδεία), приобщения к культуре, приобретения культуры, человек античности ощущал себя аристократичным, ведущим свою родовую историю от богов. В античности проблематика, связанная с воспитанием, строилась вокруг идеи влияния на «фюсис» (φύσις – греч. φύσις) – природу человека. Это предполагало овладение ремеслами, искусствами, умение отстоять в состязании собственную честь и добиться славы. В то же время, развитые интеллектуальные способности, склонность к эстетическому восприятию мира, утонченность сплавлялись в сознании античного человека с особым ощущением свободы и фатализма. В мирозерцании античности одиночество выступает как усиливающий эти ощущения феномен.

Целью статьи является анализ восприятия феномена одиночества философами разных школ и выявление сходств и различий их взглядов на данную проблему. Важные особенности трактовки феномена одиночества в античной философии и проблематики, связанной с разным восприятием этого феномена различными философскими школами, мы можем найти у Диогена Лаэртского, А. Ф. Лосева, Ф. Ницше. Из современных авторов феномену одиночества большое внимание уделили Н. Е. Покровский, А. С. Гагарин, Ж. В. Пузанова и другие.

Одиночество появляется как неизбежный спутник стремления к мудрости. Греки считали, что философ лишь в одиночестве может соприкоснуться с истиной и становиться способным достичь покоя и гармонии. «Достижение гармонической бесстрастности, покоя под сенью безличного абсолюта чаще всего оставалось для древнего грека декларируемым идеалом, доступным лишь редким мудрецам, обладающим огромной силой духа и не убоявшимся одиночества, остракизма и невзгод, подстерегающих на пути к единению с безличной истиной / космическим порядком» [3, с. 13].

Греческие философы превозносили одиночество и воспринимали его стоически. Исследуя и размышляя, стремясь найти истину, античный мудрец отрешался от

мира, сводил к минимуму контакты с людьми, иногда даже прекращал заботиться о своем теле. По мнению Лосева, это был один из способов доказать, что философ внутренне свободен в намного более высокой степени, чем другие люди, потому что настоящие мудрецы «сосредоточены в себе и ровно ни от чего постороннего не зависят» [2, с. 88]. Только через соприкосновение души и истины, без телесной оболочки, античный мудрец видел возможным познание. «[...] тело наполняет нас желаниями, страстями, страхами и такой массой всевозможных вздорных призраков, что [...] из-за него нам и в самом деле совсем невозможно о чем бы то ни было поразмыслить!» [6, с. 25].

В разные эпохи у античных авторов феномен одиночества трактуется по-разному. Заслуживает пристального рассмотрения тема одиночества у Гераклита, прозванного Темным, который, отказавшись от царского трона, предпочел уединиться, выказывая тем самым презрение к толпе, к большинству. Он отказывается прийти в Афины и поспорить с афинскими философами, отказывается от помощи людям и общения с ними, считая, что мудрых людей мало, потому что к истинной мудрости мало кто способен приобщиться. Направление его рассуждений говорит об однозначном и осознанном выборе одиночества, дающего богатство духовных ценностей и нравственное возвышение. Истинная мудрость, приобретаемая в одиночестве, противопоставлена Гераклитом многознанию, которое «уму не научит». Невежественны те, кто поддается мнению толпы, кто забыл об уединенном совершенствовании своей души. Людей, которые предпочитают пресыщению материальными благами совершенствование души, приобретение знаний, становящихся на путь мудрости, Гераклит называет «наилучшими». Он считает, что способность к самопознанию в принципе дана всем людям, но не каждый может ею воспользоваться. Он жестко противопоставляет тех, кто в уединении стремится к познанию, рассуждению, накоплению знаний и тех, кто дурно относится к своей душе, пренебрегая ее совершенствованием ради мирских благ. Гераклит однозначно говорит о своем выборе, о противопоставлении мудреца толпе: «Один мне – тьма, если он наилучший». Свообразие гордого одиночества Гераклита, которого Ф. Ницше назвал «единственно счастливым женихом истины», направлено, по мнению Ницше, на постижение дельфийского девиза «познай самого себя» как «я искал и вопрошал себя самого». Гераклиту «не нужны были люди для его познания; его душа не лежала ни к чему, что можно было выведать у них и что выводили другие мудрецы, жившие до него», но его слава бесспорна среди «всегда уносимых течением смертных», ибо «мир всегда нуждается в истине и, следовательно, ему нужен Гераклит, хотя для самого Гераклита мир не нужен» [5, с. 217–218]. В отличие от других философов, которые также «мерили себя сверхчеловеческой мерой», Гераклит строит свою жизнь уникально в первую очередь потому, что его изнутри побуждает к этому поиски истины и тотальное одиночество на этом пути. «Но никто не может безнаказанно дотронуться до таких ужасных абстракций, как «сущее» и «не-сущее»; каждый раз от прикосновения к ним замерзает кровь в жилах». И гераклитова игра противоречий: «мы существуем и одновременно не существуем», «бытие и небытие одновременно то же самое

и не то же самое» [5, с. 217–218]. В интерпретации Ницше «[...] то чувство одиночества, которое проникало эфесского отшельника [...] можно себе лишь отчасти представить, конечно в самой дикой горной пустыне. От него не исходит мощного чувства сострадательного волнения, жажды помочь, исцелить, спасти; он – звезда без атмосферы. Его глаз, пылающим светом обращенный внутрь, снаружи кажется лишь призраком, умершим и ледяным. Вокруг него, о твердыни его гордости, ударяются волны безумия и превратности; с безразличием он отворачивается от них. Но и люди с чувствующим сердцем тоже сворачивают с дороги перед его железной маской; в удаленном святилище, среди изображений богов, в рамке холодной, спокойно-величавой архитектуры – такое существо было бы понятнее. Среди людей Гераклит, как человек – невероятен [...]» [5, с. 217–218]. Гераклит не испытывает ни малейшего желания быть полезным людям, помочь им, быть среди людей. Презируя людей, гордо отстраняясь от них («Я – Гераклит. Что вы мне не дадите покоя, невежды? Я не для вас, а для тех, кто понимает меня» [4, с. 363]), впад под конец жизни в человеконенавистничество и став отшельником, он жил в горах, питался травами. Заболев от этого водянкой, он спустился в город и, говоря загадками, к примеру, спрашивал у врачей, могут ли они из ливня сделать засуху». Однако понят он не был, врачи «не уразумели, и тогда он закопался в бычьем хлеву, теплотою навоза надеясь испарить дурную влагу. Однако, и в этом не обрета облегчения, он скончался, прожив 60 лет» [4, с. 361]. Трагический финал этого добровольно избранного одиночества, отталкивающий, но вызывающий одновременно и сочувствие, и бессознательную тревогу, мы находим в поразительно ярком замечании Диогена Лаэртского: «Часто я, часто дивился несчастной судьбе Гераклита – Как он вытерпел жизнь, чтобы потом умереть?» [4, с. 361].

Платон пишет об одиночестве в диалоге «Федон» [6, с. 33]. Этот диалог представляется настоящим шедевром античной мысли. Говоря о смерти Сократа, Платон обозначает ее как красивую смерть, выступающую как образец для подражания. «Ибо счастливы те, кто может умереть без угрызений совести и плача в священном одиночестве, в котором уходят из жизни солдаты – символ храбрости – и мудрецы» [6, с. 15]. Сократ сохраняет достоинство, принимая неизбежность судьбы и, изолируя себя от мира, от других, прежде всего, изолирует свою душу. Платон развивает идею о первичности жизненного выбора по отношению к теоретическому содержанию философских доктрин. Это проявляется в том, что, как говорит Платон, «не боясь смерти, душа философа стремится убежать и остаться наедине с собой» [6, с. 16], поскольку истинная мудрость – есть подготовка к смерти, и одновременно – любовь к одиночеству («не боится смерти тот, кто любит оставаться один» [6, с. 19]). Также мотивы одиночества в виде рассуждений о безысходности в поиске единения, о разделенности человека заданы Платоном в «Пире». Аристофан, говоря о человеческой любви, рассказывает историю гермафродитов, или андрогинов. Эти мифические существа, соединившие в себе признаки мужчины и женщины, связаны с мифом о рождении. Платон говорит о том, что боги, создав человека из сферы, соединили два тела и оба пола в андрогины, имевших два лица, четыре ноги и четыре руки. Будучи наказаны Зевсом за отступничество, андрогины были разрублены вдоль.

С тех пор люди в отчаянной тоске одиночества ходят по свету и вынуждены искать свою половину. «Ясно, что душа каждого хочет чего-то другого; чего именно она не может сказать и лишь догадывается о своих желаниях, лишь туманно намекает на них. [...] Причина тому та, что такова была изначальная наша природа, и мы составляли нечто целостное. Таким образом, любовью называется жажда целостности и стремление к ней» [7, с. 101]. Всякий раз, когда «половина» остается одна вследствие утраты своей пары, она бродит в надежде нахождения своей половины, поскольку становится получеловеком. Этот великолепный, тонко построенный рассказ Платона в точности передает то чувство, которое испытывает человек, теряя любовь. Любовь «избавляет нас от отчужденности и призывает к сплоченности» [7, с. 101].

Для Аристотеля важнейшей ценностью выступает созерцательная жизнь, он сравнивает такой образ жизни с жизнью божества, которая выступает как «созерцательная деятельность». Однако одиночество Аристотелем не формулируется как однозначная ценность. Аристотель говорит о том, что добродетельный человек не может быть одиноким, обособленным от полиса, от социума, поскольку, таким образом не сможет достичь счастья. «Никто не согласился бы владеть всеми благами мира, если ему не с кем поделиться ими. Человек – общественное животное и по природе создан к сожитию с другими» (цит. по: [11, с. 231]). Человеку присуща естественная потребность, необходимость в общении, ибо вне общения он теряет саму суть. Аристотель считает, что одинокий мудрец – не есть мудрец, поскольку счастье может быть осуществлено только в обществе. «[...] человек есть существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные» [9, с. 379]. «[...] тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств, живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек [...] такой человек по своей природе только и жаждет войны; сравнить его можно с изолированной пешкой на игровой доске» [9, с. 378–379]. Выступая как антитеза общению, одиночество для Аристотеля претит самой природе человека, являясь для него не благом и вовсе не знаком высшей мудрости. Остаться в одиночестве для Аристотеля означает оторваться от природы, и мудрец Диогена для Аристотеля – вовсе не мудрец, а «недочеловек», ибо «нелепо также делать блаженного одиночкой» [8, с. 259]. «[...] для одиночки жизнь тягостна, потому что трудно непрерывно быть самому по себе деятельным, зато с другими и по отношению к другим это легко. Деятельность, сама по себе доставляющая удовольствие, будет тогда непрерывнее, как и должно быть» [8, с. 259]. Аристотель не видит человека вне общества, поскольку человек – существо, представляющее собой часть общества. Такие категории как «дружба», «счастье» являются для него важнейшими. Без них человек не может жить нормально. «В самом деле, ничто так не свойственно друзьям, как проводить жизнь сообща (к поддержке – то стремятся и нуждающиеся, однако даже блаженные стремятся проводить свои дни вместе [с кем-то], ибо они менее всего должны быть одинокими)» [8, с. 226].

Тема одиночества отчетливо прослеживается у киников, проповедующих простоту жизни, следование собственной природе, презрение к условностям, умение с твердостью отстаивать свой образ жизни, стоять за себя и высокие моральные качества человека – такие, как верность, храбрость, благодарность. Основной задачей

философии киники видят исследование внутреннего мира человека, понимание того, что является для человека истинным благом. Истинное благо же может быть только достоянием каждого отдельного лица – но никак не общим для многих. Целью добродетельной жизни становится не богатство, могущее быть разобренным, но здоровье, спокойствие, умиротворение, что подразумевает отрешенность от всего, что делает человека зависимым от иллюзорного общего: от имущества, наслаждений, искусственных и условных понятий. Идеал кинизма осуществляется как крайняя простота, как презрение ко всем потребностям, кроме основных, без которых жизнь невозможна, и насмешка над всеми условностями, демонстративный натурализм и безусловность личной свободы. Киник живет в одиночестве, ищет норму в природе человека как индивида, не ждет божественных указаний для осознания жизни и стремится к моральной свободе через освобождение от желаний. К примеру, знаменитый киник Диоген Синопский, спорящий с Платоном, «топчущий спесь Платона» и считающий его болтуном, эпатировал современников не только своими высказываниями и действиями, но и своим стремлением к изоляции. Его мировоззрение опирается на утверждение, что мир несовершенен и порочен, люди недостойны. Он насмехается над всеми религиозными церемониями, политиков считает льстецами, услуживающими черни. Фонарь Диогена, с которым он, «лишенный крова, города, отчизны, живущий со дня на день нищий странник», бродил по людным местам среди бела дня со словами «Ищу человека», стал хрестоматийным. Диоген признает только основанную на подражании природе аскетическую добродетель, находя в ней единственную цель человека. Он проповедует аскетический образ жизни, презирает роскошь, отвергает цивилизацию, считает государство лживым изобретением демагогов, а культуру – насилием над сущностью человека. Объявляя себя «гражданином мира», Диоген видит освобождение «в стремлении жить тем, что имеешь» с помощью уединения, ухода от внешнего мира в мир внутренних, путем смирения и добродетели. Он изолирует себя не от социума, но от социальных благ, которые он не приемлет как ценность и, в первую очередь, стремится не к физическому, но к интеллектуальному отрыву от социума, даже при отсутствии физической оторванности. Диоген чувствует себя независимым от окружающих, ему безразлично, разделяет ли общество его взгляды. Он одинок, поскольку обращен внутрь себя в вечном поиске самого себя. Он предстает как идеал античной философии, как человек, который стремится при жизни идентифицировать себя с божественным Абсолютом.

Социальное разобщение в период поздней античности, которое не было свойственно раннему античному обществу, сказывается на восприятии экзистенциала одиночества. Стремление к достижению счастья превращается в стремление к достижению личного счастья, т.е. приобретает отчетливый отпечаток индивидуализма. Человек поздней античности выступает как вполне самодостаточный и, в какой-то мере, утрачивает органические связи с социумом. Этому немало способствовало развитие – расцвет и особенно упадок – цивилизации Древнего Рима. В эпоху эллинизма и римской классики – у стоиков, эпикурейцев, скептиков – отношение к одиночеству меняется. Прослеживается идея,

что достойный человек существует в отшельничестве, отстранении, и, следовательно, мудрым будет тот, кто способен смириться с этим состоянием дел. Но если греческий *Homo solus* проживает одиночество болезненно и негативно, то *Homo solus* периода римской классики скорее выступает как спокойный мудрец, стремящийся к достижению идентичности с Богом и самим собой. Беседа с божественным внутри себя, реализуя потребность в свободе через одиночество, он находит в этом отражение собственной мудрости. Проявляя невозмутимость, хладнокровие, аскетизм, он отделен от толпы, уединен, и не переживает одиночество как боль брошенности и наказание, как его переживали герои греческих мифов.

Эпикур развивает идею усмирения страстей, полного отсутствия волнений, управления душой с помощью божественного инструмента – ума. Этика Эпикура – это обоснование свободного поведения, не связанного природной необходимостью, независимого от религиозного и государственного авторитета, поиск путей к удовольствию. Эпикур определял удовольствие как отсутствие телесной боли и душевных страданий и тревог, которые возникают из-за ложных мнений о богах и смерти и вызывают у людей страх. Не зная природы вселенной, нельзя уничтожить в человеческой душе страх относительно самых важных для него вещей – судьбы, жизни и смерти, загробной жизни, а с этим страхом нельзя жить счастливо. Избавляет от ложных мнений трезвое рассуждение, приводящее к атаксии, сосредоточение на самом общем и главном, которое может быть достигнуто мудрецом лишь в одиночестве. Эпикурейцы считали, что мудрец не должен погружаться в общественную жизнь, ему следует стремиться к уединению и умеренности, поскольку хладнокровие, «безмятежность души» дает лишь уединенная жизнь. Выступая как одинокий мудрец, Эпикур провозглашает принцип «живи неприметно» (др.-греч. *λάτῃ βίωσας*), иди по жизни, не привлекая к себе внимания, не стремясь к славе, власти или богатству, «куходи в себя, когда тебе приходится быть в толпе». Эпикурейские боги одиноки, «настолько углублены в себя и настолько в себе сосредоточены, что всякое соприкосновение их с внешним миром нарушило бы их покой и лишило бы их присущего им нерушимого блаженства. Поэтому ни они не воздействуют на мир, ни мир не может воздействовать на них» [2, с. 87]. Значение философии состоит, по мнению Эпикура, не в исследовании природы и познания, а в осмыслении знаний. Цель философии – достижение счастья. Эпикур также напрямую связывает одиночество и поиск единомышленников. Он считает мудрость смертным благом, а дружбу – бессмертным благом, и идеалом мудреца видит человека, свободного от страстей и прибегающего к аскезе. Эпикуреец видит в жизни главное наслаждение и не боится смерти: «Пока мы существуем, нет смерти; когда есть смерть, нас более нет».

Идеал бытия стоиков *эпатаия* (от др.-греч. *εὐπάθεια* «удовольствие, наслаждение») – блаженное состояние души, которое не зависит от того, что на самом деле происходит с телом. Этот идеал рожден из вознесения на пьедестал воли, с помощью которой философ может стать равным богу. Постигание мудрости у стоиков трансформируется: если Платон и Аристотель говорят о том, что человек посредством приобщения к

божественной части души – уму – может создать из себя иное существо, то стоики видят идеальным состоянием настоящего мудреца бесстрашие и противостояние с его помощью неуязвимой судьбе. Справедливость, мужество, благоразумие в сочетании с признанием условной ценности внешнего мира, уединением, отстраненностью от него ведет к ощущению внутренней свободы. Справедливый, мужественный, умеющий контролировать свои эмоции, идеальный мудрец стоиков посредством воспитания отрешается от страстей, защищая свою душу изнутри. Его безмятежность и отрешенность имеет моральные истоки, а «неуязвимая душа» недоступна для любого страдания. Стоики видят эталоном человека того, кто осознанно стремится к одиночеству. «И стоический, и эпикурейский мудрецы только сосредоточены в себе [...] Испытывалась неодолимая потребность уйти в себя и сохранять свой внутренний покой наперекор катастрофическим мировым событиям» [2, с. 87–88]. Римский стоик Сенека видит цель человека в том, чтобы жить в «согласии с природой», естественным образом достигая гармонии. Путь к счастью, по его мнению, – это когда никакой аффект или занятие не существует как чрезмерное влечение. «Ты спросишь, чего я достиг? Стал самому себе другом!» Достиг он немало, ибо теперь никогда не останется одинок. И знай: такой человек всем будет другом» [10, с. 11]. Он призывает к уединению, но с опаской относится к одиночеству. «Любое благо нам не на радость, если мы обладаем им в одиночку» [10, с. 11]. «Одиночество для нас – самый злой советчик» [10, с. 49]. Жизнь в социуме, поиск удовольствий, по мнению Сенеки, сопряжены с неизбежным рабством. «Дела за нами не гонятся, – люди сами держатся за них и считают занятость признаком счастья» [10, с. 267], сами держатся за то, что превращает их жизнь в злую долю, «немногих удерживает рабство, большинство за свое рабство держится» [10, с. 41]. Сенека понимает, что одиночество есть неизбежный человеческий удел: «Не глуп ли, по-твоему, тот, кто боится многих там, где можно пройти лишь поодиночке? Так же и к твоей смерти доступ открыт только одному, сколько бы врагов тебе ни угрожало» [10, с. 54].

Скептики противостояли стоикам и эпикурейцам, однако взгляды их на природу философствования и постижения мудрости были сходными. Врач и последний скептик Секст Эмпирик говорит, что целью философии является достижение абсолютной невозмутимости, душевного спокойствия, бесстрашия (др.-греч. *α-ταραξία*). Истинному скептику неизвестно чувство волнения, страдания, привязанности или любви; он одинаково безучастен ко всем явлениям, сдержан, стремится к уединению. Мудрец существует в покое, уединении, в надежде на невозмутимость, осознавая полное одиночество личности и определение мира как отказывающегося ему в политическом, религиозном и социальном утешении. Основным принципом скептицизма выступает изостения (др.-греч. *ισοσθένεια* – от *ἴσος* «равный, одинаковый, подобный» и эп. поэт. *σθένος* «сила, крепость, могущество»), т.е. равнозначность отрицания и утверждения, равновесие противоположностей, уравнивание истины и лжи. Эти

навыки Секст Эмпирик видит свойством истинного мудреца, поскольку богато одаренные от природы люди, смущаясь неравенством среди вещей и недоумевая, которым из них отдать предпочтение, дошли до искания того, что в вещах истинно, а что ложно, чтобы после этого разбора достигнуть состояния невозмутимости.

Резюмируя, важно отметить, что отношение античных мыслителей к одиночеству, прежде всего, сводилось к вопросу, нужен ли человеку кто-то для того, чтобы понять истину? На этот вопрос они отвечали – и да, и нет. Человек – социальное существо, его жизнь тяжела, подчас невыносима вне социума, без общения, без людей. Однако социум мешает духовному росту, размышлениям, постижению истины. Человек на пути к истине всегда должен оставаться один, как он в итоге остается один, осознавая свою конечность и непостижимость мира.

Список использованных источников

1. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Наука, 1991. – 408 с.
2. Лосев А. Ф. История античной философии в конспективном изложении [Текст] / А. Ф. Лосев. – М.: ЧеРо, 1998. – 192 с.
3. Гагарин А. С. Экзистенциалы человеческого бытия: одиночество, смерть, страх (От античности до Нового времени). Историко-философский аспект. Дисс. канд. филос. наук. [Текст] / А. С. Гагарин. – Екатеринбург, 2002. – 242 с.
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов [Текст] / Диоген Лаэртский. – М.: Мысль, 1979. – 620 с.
5. Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху Греции [Текст] / Ф. Ницше // Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху. – М.: Refl-book, 1994. – 416 с.
6. Платон. Федон [Текст] / Платон // Платон. Сочинения: В 2 т. Т.2. // Серия: Философское наследие. – М.: Мысль, 1999. – 528 с.
7. Платон. Пир [Текст] / Платон // Платон. Сочинения: В 2 т. Т.2. // Серия: Философское наследие. – М.: Мысль, 1999. – 528 с.
8. Аристотель. Никомахова этика [Текст] / Аристотель // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т.4. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
9. Аристотель. Политика [Текст] / Аристотель // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т.4. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
10. Сенека. Нравственные письма к Луцилию [Текст] / Сенека // Серия: Литературные памятники. – М.: Наука, 1977. – 383 с.
11. Рассел Б. История западной философии [Текст] / Б. Рассел // Серия: Философские технологии. – М.: Академический проект, 2009. – 1008 с.

References

1. Ortega-i-Gasset H. Chto takoe filosofiya [Text] / H. Ortega-i-Gasset. – M.: Nauka, 1991. – 408 s.
2. Losev A. F. Istoriya antichnoy filosofii v konspektivnom izlogenii [Text] / A. F. Losev. – M.: Chero, 1998. – 192 s.
3. Gagarin A. S. Ekzistenciali chelovecheskogo bitiya: odinochestvo, smert, strah (Ot antichnosti do Novogo vremeni) Istoriko-filosovskiy aspekt [Text] / A. S. Gagarin. – Eketerinbyrg, 2002. – 348 s.
4. Diogen Laertskiy. O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenitih filosofov [Text] / Diogen Laertskiy. – M.: Misl, 1986. – 571 s.
5. Nitzhe F. Filosofiya v tragicheskuyu epohy Grecii [Text] / F. Nitzhe // Nitzhe F. Filosofiya v tragicheskuyu epohy. – M.: Refl-book, 1994. – 416 s.
6. Platon. Fedon [Text] / Platon // Platon. Sochineniya: V 2 t. T.2. – M.: Misl, 1999. – 528 s.
7. Platon. Pir [Text] / Platon // Platon. Sochineniya: V 2 t. T.2. – M.: Misl, 1999. – 528 s.
8. Aristotel. Nikomahova etika [Text] / Aristotel // Aristotel. Sochineniya: v 4 t. T.4. – M.: Misl, 1983. – 830 s.
9. Aristotel. Politika [Text] / Aristotel // Aristotel. Sochineniya: v 4 t. T.4. – M.: Misl, 1983. – 830 s.
10. Seneka. Nравstvennie pisma k Lyciliu [Text] / Seneka. – M.: Nauka, 1977. – 383 s.
11. Rassel B. Istoria zapadnoy filosofii [Text] / B. Rassel. – M.: Akademicheskij proekt, 2009. – 1008 s.

Gromova O. V., competitor of the Department of Philosophy, Dnepropetrovsk National University of Oles Honchar (Ukraine, Dnepr), olga.v.gromova@gmail.com

The loneliness phenomenon by ancient philosophers

The article explores how the ancient thinkers had studied the phenomenon of loneliness. This phenomenon has a contradictory nature. Lofty solitude becomes the ideal for many ancient philosophers. However, the need of solitude as a space for personal privacy is opposed to the feeling of loneliness as your own inferiority. Homo Solus – sage seeking to achieve identity with the higher powers through the loneliness; in antiquity he was a hero, but also a tragic character. The article also describes the views of ancient authors concerning the phenomenon of loneliness. It analyzes problems that reveal the essence of this condition, which occurs when connecting two conditions of human existence: his involvement in external social ties and internal mental state associated with the awareness of the existence finiteness.

Keywords: loneliness, isolation, ancient philosophy, the doctrine of Heraclitus, Plato, Aristotle, Epicurus, Seneca, cynicism, stoicism.

Громова О. В., здобувач кафедри філософії, Дніпропетровський національний університет ім. Олеса Гончара (Україна, Дніпро), olga.v.gromova@gmail.com

Феномен самотності у античних філософів

Досліджено розуміння феномену самотності античними мислителями. Дане явище має суперечливу природу. Величина, здатна давати новий рівень пізнання світу, самотність виступає для багатьох античних філософів як ідеал. Однак необхідність самотності як простору для осмислення людиною самотності протиставляється відчуттю самотності як ураженості власної самотності. Homo Solus – мудрець, що прагне досягнення ідентичності з вищими силами за допомогою самотності, виступає в античності як герой, але й як трагічний персонаж. У статті надано уваги докладному опису думок античних авторів щодо феномену самотності. Проаналізовано проблеми, що розкривають сутність переживання цього стану, який виникає на стику двох початкових умов буття людини – її залученості в зовнішні соціальні зв'язки, взаємини з іншими людьми, та її внутрішнього, душевного стану, який пов'язаний з усвідомленням екзистенціальної проблематики і кінцівки існування.

Ключові слова: самотність, ізоляція, антична філософія, Геракліт, Платон, Аристотель, Епікур, Сенека, кінізм, стоїцизм.

* * *

УДК 316(477)

Дзьобань О. П.,
доктор філософських наук, професор,
професор кафедри філософії,
Національний юридичний університет
ім. Ярослава Мудрого (Україна, Харків),
a_dzeban@ukr.net

ДО ПИТАННЯ ПРО СУТНІСТЬ СУСПІЛЬНОГО ІДЕАЛУ

Аналізуються філософські аспекти розуміння сутнісних характеристик суспільного ідеалу. Соціальний ідеал розглядається як ідеальний образ бездоганного соціального устрою, який структурує суспільну свідомість, визначає спосіб мислення й діяльності людини й соціальних груп. Розглянуто соціально-економічний та соціально-політичний аспекти суспільного ідеалу. Зроблена спроба розкрити суперечливу природу суспільного ідеалу.

Ключові слова: суспільний ідеал, суспільні ідеї, цінності, інтереси, справедливість, рівність, свобода.

Суспільство як система, що розвивається, завжди потребує визначення цілей свого розвитку. Соціальні ідеали й проекти майбутнього необхідні суспільству як найважливіші змістоутворюючі структури свідомості, як принципи освоєння й перетворення реальності.

Сучасна ситуація суспільного розвитку характеризується підвищеною інтенсивністю такого розвитку, швидкою зміною технологічного та ціннісного простору культури. Мерехтіння осіб і подій, зміна цінностей і уявлень, – все це викликає особливу хворобу століття – футурошок. Кардинальні зміни у нашій країні, що торкнулись усіх сфер життя, зробили перебіг цієї хвороби у нас подвійно важким. Суспільство, втрапивши надійні орієнтири, твердий ґрунт у хиткому світі, починає заперечувати про-